

В. К. КЕЛЬМАКОВ (Москва)

О НЕКОТОРЫХ СПЕЦИФИЧНЫХ ФОНЕМАХ КУКМОРСКОГО ДИАЛЕКТА УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

0.1. На кукморском диалекте говорит около 10 тысяч удмуртов, проживающих в 27 населенных пунктах Кукморского и трех населенных пунктах Мамадышского районов Татарской АССР. По некоторым фонетическим и морфологическим особенностям диалект можно разделить на следующие говоры: лельвижский (лельв.) — самый западный говор, носители его — лишь жители дер. Лельвиж; книнский (книн.) говор распространен в населенных пунктах, расположенных к юго-востоку от дер. Лельвиж в пределах Нырьинского сельского совета; юмьинский (юмьин.) — говор удмуртов, проживающих восточнее лельвижских и книнских удмуртов в пределах Ошторма-Юмьинского и Средне-Кукморского сельсоветов; учинский (учин.) — говор удмуртов, проживающих в самых восточных населенных пунктах Кукморского района и в Мамадышском районе.

Поскольку книнский и юмьинский говоры очень близки друг к другу, иногда их целесообразно объединять под общим названием центральных говоры (центр.).

0.2. Изучение кукморского диалекта имеет уже свою историю. Еще в конце прошлого века начало научному исследованию его положили финский ученый Т. Г. Аминофф и венгерский языковед Б. Мункачи.

Прожив пять месяцев среди кукморских удмуртов, хорошо изучив их быт, верования, фольклор и особенно язык, Аминофф пришел к выводу об относительной архаичности «казанского» (кукморского — В. К.) диалекта по сравнению с другими удмуртскими диалектами (для сравнения он берет говор с. Якшур-Бодья Удмуртской АССР).¹ Аминофф верно отметил архаичный характер кукморского диалекта, обусловленный его относительно изолированным развитием и продолжительным контактированием с тюркскими (в частности, татарским) языками. Однако он упустил из виду, что каким бы архаичным ни был диалект, в нем можно найти такие новые явления, новые черты, которые еще не появились, может быть, никогда и не возникнут в так наз. прогрессивных центральных диалектах.

В данной статье сделана попытка на примерах истории фонем η и $\ddot{a}$

¹ «Язык их кажется таким же старинным, как и их обычаи и религиозные фантазии... Мне удалось собрать в этой округе около 200 загадок, несколько десятков песен и 20 заклинаний. В последних чувствуется родство с нашими (финскими — В. К.) волшебными рунами» (J. B u d e n z, Jelentések. — NyK XV 1879, стр. 175).

показать сосуществование архаичных, находящихся на стадии постепенного исчезновения, и новых, только что возникающих черт в системе фонем кукморского диалекта.

1.1. Фонема η представляет собой заднеязычный носовой сонант.² Дистрибуцию ее внутри слова можно выразить следующими формулами (| — линия слогораздела):

-V| η V- (-V| η V, V| η V, V| η V-): *si η äs* 'нитки', *si η är* 'сухожилие', *ke η är* 'крупа', *ša η a* 'галка', *ž η ä* 'половина', *a η a* 'полоса земли', *e η er* 'седло', *e η erčak* 'седелка';

-V η |CV- (-V η |CV, V η |CV, V η |CV-): лельв. *še η ton* 'зоб, желудок (у птиц)', лельв. *ši η kaš* 'бровь', лельв. *za η gari* ~ учин. *zä η gäri* 'голубой', кукм. *ž η gärte* 'звенит, звонит, бренчит', кукм. *ko η gärčo* 'крюк; кочерга', юмьин. *to η gon* 'замок', юмьин. *ko η ka* 'ком земли', кукм. *a η ze* 'его скулу', юмьин. *a η laš* 'с. Алнаши (Удм. АССР)', кукм. *a η ges* 'подбородок';

-V η k: *ko η k* 'звукоподражание удару чем-либо твердым по голове', *ša η k* 'звукоизображение наполненности чего-либо', юмьин. *č η nk*: *č η nk o η naz* 'один как перст';

-V η (V η): *ba η* 'щека, лицо, склон (горы), лезвие (ножа)', *z η* 'запах, вонь', *pi η* 'конец', *ša η* 'чан', *ča η* 'набат', *a η* 'скула; ширина (ткани)'.³ Фонема η не употребляется в начале слова (η V-, η CV- и т. д.) и в середине слова не может прикрывать слог, стоящий после закрытого слога (-VC| η V- и т. д.).

1.2. Помимо кукморского, наличие фонемы η отмечается исследователями и в других диалектах удмуртского языка, в частности, в бавлинском⁴, шошминском⁵, бесермянском⁶, среднеюжном⁷, в увинско-вавожской группе говоров⁸, а как вариант n перед заднеязычными g или k согласный η распространен несколько шире.⁹ Обобщая, можно сказать, что фонема η лучше представлена в юго-западном и южном наречиях

² Фонемность η в кукморском диалекте подтверждает наличие следующих квазиомонимов: m — η : *ama* 'разве' — *a η a* 'полоса (участок) земли', *pi η e* 'мой дрова (вин. п.)' — *pi η e* 'на конец чего-либо'; n — η : *ana η e* 'моя мать' — *a η a η e* 'моя полоса земли', *pi η et* 'заем' — *pi η et* 'одеревенел, окостенел, затвердел'; $\acute{n}$ — η : *a η a* 'Аня' — *a η a* 'участок земли'; g — η : *aga η et* 'твой дядя' — *a η a η et* 'твоя полоса земли', *šoga* 'вбивает (кол, гвоздь)' — *šoga* 'машет', *šäga* 'деревянная трубка у пивной бочки' — *šä η a* 'окуривается дымом'. Положение η в системе согласных кукморского диалекта см. на фиг. IV.

³ По нашим предварительным подсчетам, фонема η употребляется в различных говорах кукморского диалекта примерно в 80 корневых словах.

⁴ И. В. Тараканов, Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка. Канд. дисс., Тарту 1958, стр. 163—166.

⁵ Т. И. Тепляшина, Из наблюдений над фонетическими особенностями шошминского диалекта удмуртского языка. — Труды МарНИИ, вып. XV, Йошкар-Ола 1961, стр. 133, 138.

⁶ Д. Корепанов, Бесермяне. — На удмуртские темы, вып. II, Москва 1931, стр. 104.

⁷ Г. А. Архипов, Некоторые вопросы фонетики средне-южного диалекта удмуртского языка. — Ученые записки Тартуского гос. университета, вып. 117, Тарту 1962, стр. 190, 196.

⁸ I. Tarakanov, Udmurdi keele uvaa-vavoži murrakute rühma häälikuline koostis ja mõned foneetilis-morfoloogilised erijooned. — ESA IX 1963, стр. 188.

⁹ По сообщению С. К. Бушмакина, η спорадически выступает перед g и в некоторых говорах средне-восточного диалекта.

удмуртского языка и в языке бесермян, и отсутствует даже в качестве варианта *n* в северном наречии.¹⁰

На основании свидетельств и данных других финно-угорских языков (*η* встречается в качестве самостоятельной фонемы в марийском¹¹, мансийском¹², диалектах мордовских¹³, хантыйском¹⁴ и других языках) *η восстанавливается финно-угроведами и для финно-угорского языко-основы¹⁵.

1.3. В различных словах кукуморского диалекта *η* имеет различное происхождение.

1.3.1. В словах финно-угорского происхождения *η* часто восходит к финно-угорскому *η: *puη* (удм. лит. *пум*) 'конец', коми *pot*, *pop*, фин. *pää*, манс. *põη*, *päηk*, венг. *fő*, *fej*; ср. еще *šəη* 'дым', *zəη* 'запах', *aη* 'челюсть', *toηgon* 'замок', *aηges* 'подбородок', *aηaϋškənə* 'притворяться'.¹⁶

1.3.2. В словах тюркского происхождения в диалекте, как правило, сохраняется тюркский согласный *η*: юмьин. *siηār* ~ *səηār* 'сухожилие', ср. каз., алт. *siηir* 'жила', карач. *siηηir*, балкар. *siηgir*, татар. *səηər*, якут. *iηir*; учин. *keηeš* 'совет', ср. уйгур. *kiηgäš* 'советовать', *käηiš* 'совет', среднетюрк. *käηä* 'советоваться', *käηä* 'советовать', *käηäš* 'совет', балкар., карач. *keηeš* 'советовать', сев.-кор. *kjeηkje* 'советоваться'¹⁷; кукум. *baη* 'лицо', *šaηa* 'галка', *meη* 'родинка' < татар. *muη*;

¹⁰ Т. Е. Уотила, Zur geschichte des konsonantismus in den permischen sprachen (= MSFOu LXV), Helsinki 1933, стр. 245; Т. И. Тепляшина, Тыловый диалект удмуртского языка. Канд. дисс., Москва 1955, стр. 36.

¹¹ Н. Т. Пенгитов, К вопросу о звуковом составе современного марийского языка. — Ученые записки МарНИИ, вып. I, Йошкар-Ола 1948, стр. 55—56.

¹² А. Н. Баландин, М. П. Вахрушева, Мансийский язык, Ленинград 1957, стр. 21, 24.

¹³ М. Е. Евсеев, Основы мордовской грамматики. Избранные труды IV, Саранск 1937, стр. 18—19.

¹⁴ Н. И. Терешкин, Очерки диалектов хантыйского языка I, Москва—Ленинград 1961, стр. 16—17.

¹⁵ Вопрос о ф.-уг. *η, его рефлексах в современных языках и литературу по этому вопросу см. Gy. Lakó, A magyar hangállomány finnugor előzményei, Budapest 1965, стр. 12—13, 50—52.

¹⁶ В каких словах удмуртского языка можно восстановить общепермскую фонему *η, Вихман определял по следующему правилу:

1) если слова во всех диалектах удмуртского языка и коми языке содержат в ин- или ауслауте носовой дентальный *n*, то мы имеем дело в этих словах с ф.-уг. *n (удм. *mīn-*, коми *min-* 'идти', манс. *min-*, *mən-*, хант. *mən-*, *man-*, венг. *men-*, морд. *mēne-*, саам. *manne-*, фин. *mene-*);

2) в тех же случаях, когда в удмуртском языке междиалектно корреспондируют *n*, *ñ*, *m*, *η*, при этом в коми языке выступает *n* или *m*, можно, по всей вероятности, предположить в этих словах общепермскую фонему *η (удм. *baη*, *bat*, *ban* 'щека, лицо, сторона', коми *ban*, ср. хант. *puηat* 'сторона'; удм. *diη*, *diñ*, коми *d'in*, *din*, *dīn* 'толстый конец дерева', венг. *tő*, мар. *tīη*, фин. *tyvi*) (Y. Wichmann, Die tschuwassischen lehnwörter in den permischen sprachen (= MSFOu XXI), Helsingfors 1903, стр. 21—22).

Но это правило Вихмана, справедливое для большинства случаев, вступает в противоречие в случаях со словами: 1) кукум. *šaη*, удм. лит. *šan* (в XVIII в. зафиксирована форма *Чангъ* (? = *čan*), см. Сочинения, принадлежащие к грамматике восточного языка, Санкт-Петербург 1775, стр. 32), коми лит. *туан* 'чан', которые, вероятно, являются самостоятельными в удмуртском и коми языках заимствованиями из русского языка и вряд ли восходят к общепермской праформе *čan; 2) кукум. *šiñ*, *šiη-* (*šiηkili*), уфим. *šim*, удм. лит. *син*, коми лит. *син* 'глаз', где *-η-*, *-n-*, *-ñ-*, *-m* восходят к ф.-уг. **im-*, а не к *η.

¹⁷ М. Ряснянен, Материалы по исторической фонетике тюркских языков, Москва 1955, стр. 172, 175.

лельв. *aŋðra* ~ юмьин. *aŋðra* < татар. *aŋғыра* 'глупый'; юмьин. *теңроц* 'тупица' < татар. *миңгерәү*.¹⁸

1.3.3. В группе слов, как исконных, так и заимствованных, *η* является вторичным по происхождению, чему способствовало соседство исконных носовых *m*, *n*, *ñ* с последующими *g*, *k*: юмьин. *baŋkə* < рус. *банка*, лельв. *šinkə* < рус. *синька*, лельв. *koržinŋka* < рус. *корзинка*, юмьин. *koŋgan* ~ лельв. *kuŋgan* 'кувшиноподобный рукомойник, кумган' < татар. *кумган*, юмьин. *eŋgek* 'обуза' < татар. *имгәк*, юмьин. *saŋka* 'Александра' < рус. *Санька*, юмьин. *koŋka: šuj koŋka* 'ком земли' < рус. *ком, комок*, лельв. *uŋgurt* 'Малая Сюра' < *un* (< *ulən*) 'нижняя' + *gurt* 'деревня' и др.¹⁹

1.4. Итак, из пермских языков лишь в южных наречиях удмуртского представлена фонема *η*, восходящая к самым различным источникам, в северном наречии удмуртского и во всех диалектах коми языков *η* отсутствует не только как фонема, но и как вариант *n* перед *g* и *k*, хотя она существовала еще в общепермском языке-основе.²⁰ Процесс постепенной утери фонемной функции *η* и замещения ее самыми различными носовыми согласными в зависимости от позиционных условий (*m*, *n*, *ñ*) начался в северных диалектах общепермского языка-основы²¹ и распространился постепенно на все диалекты коми языка и северные и некоторые средние диалекты удмуртского языка. Вне поля действия этого общепермского фонетического процесса оказались лишь южные и окраинные удмуртские диалекты.

К тому же и в тех диалектах, где *η* сохранилась как фонема, часто наблюдаются перебои в ее употреблении, зависящие от возраста говорящих (в речи старшего поколения кукморских удмуртов *η* употребляется чаще, чем в речи молодежи), от принадлежности их к различным говорам. Наиболее последовательно фонема *η* сохранилась в учинском говоре, а в юмьинском, и особенно в лельвижском говорах — в меньшей степени, что можно проиллюстрировать следующими данными²²:

д. Лельвиж лельв.	Верхняя-Юмья юмьин.	Стар. Канисар учин.	Удм. лит. язык	
<i>keŋer</i>	<i>keŋer</i>	<i>keŋer</i>	<i>кенер</i>	'ограда'
<i>keŋeš</i>	<i>keŋeš</i>	<i>keŋeš</i>	<i>кенеш</i>	'совет'

¹⁸ Возведение Вихманом (правда, под знаком вопроса) удм. *dun* 'цена' к чув. *tan* 'точно', *tanaš* 'быть похожим, сравнить' ~ башк. *tiŋ*, алт. *teŋ* 'похожий', *teŋlik* 'цена', тур. *denli* 'похожий, одинаковой величины' (Y. Wichmann, Die tschuwassischen lehnwörter in den permischen sprachen, стр. 53) нельзя считать правильным прежде всего потому, что удмуртское слово ни в одном из диалектов не содержит *-ŋ*.

¹⁹ Не вполне ясно появление *-ŋ* в слове *šaŋ* 'чан'; возможно, по аналогии со словами *čaŋ* 'набат', *baŋ* 'щека', *aŋ* 'скула', или по ложной этимологической связи со словом *šaŋk*, *ša-ŋkak* 'звукоизображение наполненности чего-либо (бака, кадки) жидкостью': *bakəŋ ša-ŋkakaz vi* 'бак полон воды', подобно тому, как в слове *dəraŋ* согласный *ŋ* появился под влиянием народной этимологии с *aŋa* 'полоса земли' (Y. Wichmann, Die tschuwassischen lehnwörter in den permischen sprachen, стр. 23).

²⁰ A. Penttilä, Die vertretung des urpermischen inlautenden *ŋ im heutigen syrgjanischen und wotjakischen. — FUF XVIII 1927, стр. 108; Д. В. Бубрих, Историческая фонетика удмуртского языка, Ижевск 1948, стр. 92.

²¹ В. И. Лыткин, Историческая грамматика коми языка, Сыктывкар 1957, стр. 110.

²² Замена *-ŋ*-согласным *-ñ*- произошла в некоторых словах юмьин. говора сравнительно недавно: еще Аминофф отмечает форму *činiŋjo* (Т. G. Aminoff, Wotjakilaisia kielinäyhteitä. — JSFOu I 1886, стр. 46) современного юмьин. *činiŋjo* 'пальчатый, имеющий пальцы'.

<i>keñār</i>	<i>keñār</i>	<i>keñār</i>	кенъыр	'крупа'
<i>eñer</i>	<i>eñer</i>	<i>eñer</i>	энер	'седло'
<i>eñerčak,</i> <i>eñerčak</i>	<i>eñerčak</i>	<i>eñerčak</i>	энерчак	'седелка'
<i>šeñon,</i> <i>šeñton</i>	<i>šemon</i>	<i>čeñon</i>	чѐмон	'зоб (у птиц)'
<i>kumgan</i>	<i>koŋgan</i>	<i>koŋgan</i>		'рукомойник'
<i>aŋsār</i>	<i>amsār,</i> <i>aŋsār</i>	<i>aŋsār</i>		'узкий'
<i>diñ</i>	<i>diñ</i>	<i>diñ</i>	дѐнь	'комель'
<i>siñās</i>	<i>siñās</i>	<i>siñās</i>	сѐньыс	'нитки'
<i>iñšār</i>	<i>iñšār</i>	<i>iñšār</i>	иншыр	'ток'

1.5. Чем было вызвано возникновение общепермской фонетической тенденции к постепенному вытеснению древнефинно-угорской фонемы *η другими носовыми, решить трудно, и, не претендуя на окончательное решение этого вопроса, попытаемся лишь в качестве рабочей гипотезы выявить несколько факторов, совокупность которых могла вызвать эту фонетическую особенность пермских языков.

1.5.1. Еще в финно-угорском языке-основе согласный *η встречался довольно редко и имел ограниченную дистрибуцию: употреблялся лишь в середине слова (между гласными или в некоторых сочетаниях согласных). А в пермском языке-основе количество слов с *η намного сократилось в результате действия некоторых общепермского характера фонетических законов.

1.5.1.1. Выпадение гласных конца основы стало причиной выпадения и предшествующих им согласных: *CVCV > *CVC > CV: (*šata > удм. *šu*, коми *šo*). Этот процесс привел к выпадению *-η- в пермских языках: *jāne > удм. *je*, кукум. *dō*, коми *ji*. Правда, носовые в этой позиции оказались в пермских языках более устойчивыми, чем смычные, ср. кукум. *diñ* 'комель', *šāñ* 'дым', *āt* 'рот', *piñ* 'конец'.

1.5.1.2. Деназализация инлаутных сочетаний носовых согласных с гоморганными смычными или аффрикатами с последующим озвончением смычного или аффрикативного элемента, имевшая место в общепермском языке-основе, привела к изменению ф.-уг. *-ŋk- > общеперм. g: коми *вуг* (*вугй-*) 'скобка, дужка', удм. *вугы*; ср. фин. *vanko* 'железный крюк' < санскр. *vaṅka-* 'кривой, согнутый';²³ удм. *čog*, *čšog* 'кол' < ф.-уг. *čeŋkz.²⁴ С большей или меньшей вероятностью рефлекс *-ŋk можно выявить в следующих коми и удмуртских словах: коми *лѐг-*, удм. *лѐганы* 'топтать, мять (траву), протоптать'; коми *мог*, удм. *муг* 'дело, причина, надобность'; коми *гōг*, удм. *гогы* 'пуп'; коми *лѐг-* 'шевелиться'; коми *чаг* 'щепка', удм. *чаг* 'лучина'; коми *сигōр* 'верхняя часть дома, стога', удм. *сиг* 'чердак'; коми *мыгор*, удм. *мугор* 'тело'²⁵ и др.

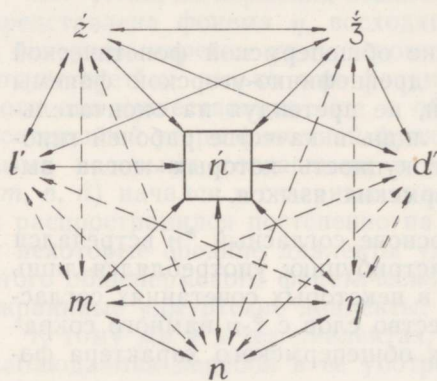
²³ В. И. Лыткин, Историческая грамматика коми языка, стр. 91; В. И. Лыткин, Исторический вокализм пермских языков, Москва 1964, стр. 205.

²⁴ A magyar szókészlet finnugor elemei I, Budapest 1967, стр. 114.

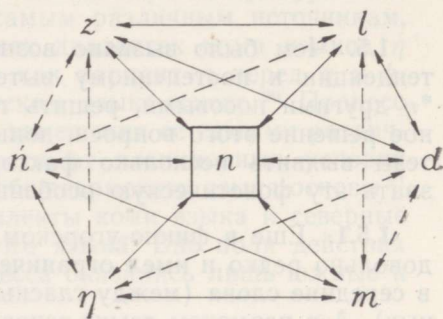
²⁵ В. И. Лыткин, Исторический вокализм пермских языков, стр. 86, 87, 124, 166, 182, 194.

Вполне вероятно, что уже в конце общепермского периода согласный η , как очень редко употребляемый звук, имел самую незначительную фонемную нагрузку и поэтому был подвержен различного рода изменениям.

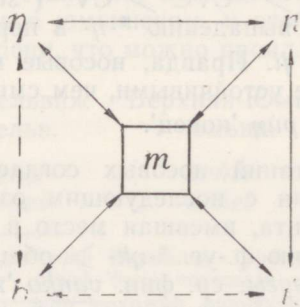
1.5.2. Чаще всего изменяются те фонемы, которые находятся на краю фонологической системы и слабо включены в нее. Из четырех носовых согласных, функционирующих в качестве фонемы в южноудмуртских диалектах, самую слабую позицию в системе согласных занимают m и η (см. фиг. I—IV). Схемы составлены таким образом: согласные, отличающиеся друг от друга лишь по одному из трех признаков — а) место образования, б) способ образования, в) участие голоса — соединены сплошной чертой; согласные, отличающиеся двумя признаками — пунктирной линией.

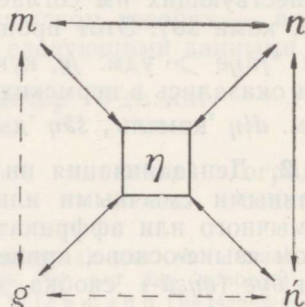
Фиг. I

Фиг. II

Фиг. III

Фиг. IV

Хотя фонемы m и η (фиг. III и IV) в одинаковой степени включены в систему согласных, бо́льшая устойчивость первой обеспечивается ее высокой частотностью (по частоте употребления m занимает пятое место среди согласных удмуртского литературного языка после k , s , t и n ²⁶), ее бо́льшей функциональной нагрузкой и широкой дистрибуцией в слове. В отличие от η , m входит и в состав различных суффиксов. Замена согласных m , n или η другими родственными фонемами сопровождалась бы со значительной перестройкой всей системы согласных

²⁶ Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология, Ижевск 1962, стр. 32.

удмуртского (геср. общепермского²⁷) языка, в то время как замена η другими носовыми почти не затрагивает целостность системы.

1.5.3. По мнению фонетистов²⁸, фонема η имеет меньшее распространение в языках мира, чем другие носовые, что они объясняют большей артикуляционной сложностью первой. Возможно, и артикуляционная сторона сыграла какую-то роль в судьбе общепермского η , хотя сама по себе, вне зависимости от функциональной она не может решать судьбу фонемы.

1.5.4. Коми язык и северные диалекты удмуртского языка, находясь длительное время под влиянием русского языка, где отсутствует фонема η , не имели никакой внешней поддержки, способствовавшей ее сохранению. Напротив, фонетическая система южных и окраинных диалектов удмуртского языка (в частности, кукморского) испытала сильное влияние фонетической системы татарского языка, и множество лексических заимствований с согласным η постоянно повышало частотность η в этих диалектах.²⁹

2.1. Фонема $\ddot{a}$ — широкий открытый гласный нижнего подъема передне-среднего ряда. Гласный $\ddot{a}$, более широкий, чем открытое ауслаутное e , встречается во всех говорах кукморского диалекта, в одних чаще, в других реже.

Примеры по различным говорам:

лельв.: *ärsäz* 'грязный', *äjbät* 'хороший', *zär* 'бойкий, живой, энергичный', *mälänhä* 'Маланья', *bär* 'ударь!', *ämän* 'постоянно', *mäšnä* 'машина', *bä?dzäm* 'большой';

центр.: *äjbät* ~ *ajbat* 'хороший', *bärängi* ~ *baraŋgi* 'картофель', *zängäri* ~ *zaŋgari* 'голубой', *šämärdän* ~ *šamardan* 'ст. Шемордан';

учин.: *gikäkz* 'двор', *čäj*, *šäj* 'чай', *tän* 'вот', *piñällos* 'дети', *sägät* 'часы', *bärängi* 'картофель', *ihmär* 'бог', *ädämijos* 'люди', *känsär* 'дер. Канисар', *ərättän* 'по порядку, в ряд', *äšäk* 'плохой', *bädzäm* 'большой', *zärä šorän* 'зря, напрасно' и т. д.

Частота употребления $\ddot{a}$ (как в татарских и русских заимствованиях, так и в исконных удмуртских словах) наиболее высока в учинском и лельвижском говорах, а в книнском и особенно юмьинском говорах $\ddot{a}$ встречается гораздо реже, причем в одних и тех же словах одни произносят $\ddot{a}$, другие — a : *äjbät* ~ *ajbat* 'хороший', *bä?dzäm* ~ *ba?dzäm* 'большой', *mäšinä* ~ *mašina* 'машина', *zängäri* ~ *zaŋgari* 'голубой'. А слова *berengi* 'картофель' и *zeŋgeri* 'голубой' некоторые могут произносить с гласным e .³⁰

²⁷ Консонантизм южноудмуртских диалектов почти не отличается от восстанавливаемого Утилой (Т. Е. Uotila, указ. раб.) консонантизма общепермского языка основы.

²⁸ М. И. Матусевич, Введение в общую фонетику, Москва 1959, стр. 56—57; А. Мартине, Принцип экономии в фонетических изменениях, Москва 1960, стр. 154.

²⁹ Влиянием татарского языка объясняет и И. В. Тараканов сохранение η в бавлинском диалекте (И. В. Тараканов, Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка, стр. 287).

³⁰ Вихман недоумевал, заметив, что татар. *tänkä* 'чешуя, монета' звучит в казанском диалекте удмуртского языка *teŋkä*, а не *tänkä или *taŋka (Y. Wichmann, Zur geschichte des vokalismus der ersten silbe im wotjakischen mit rücksicht auf das syrjänische (= MSFOu XXXVI), Helsinki 1915, стр. 41). Действительно, татар. $\ddot{a}$ субституируется в современных $\ddot{a}$ -кающих удмуртских говорах гласным $\ddot{a}$, а в других говорах — гласным a или e (*bärängi* ~ *baraŋgi* ~ *berengi* 'картофель'), так что удм. *teŋkä* (вернее *teŋke*) является вполне закономерным освоением татар. *tänkä* в некоторых говорах «казанского» диалекта.

2.2. Гласный *ä* выполняет в системе вокализма различных говоров кукморского диалекта неодинаковую функцию. В лельвижском и учинском говорах *ä*, несомненно, представляет собой самостоятельную фонему, противопоставленную как *e* (гласному переднего ряда среднего подъема), так и *a* (гласному заднего ряда нижнего подъема), что доказывает наличие следующих словесных пар:

a—ä: *šar* 'точно, точь-в-точь' — *šär* 'хороший'; лельв. *zar* 'вышитый пояс невесты' — *zär* 'бойкий' (*zor* 'дождь' — *zur* 'грубый (о шерсти)' — *zär* 'бородавка');

ä—e: *täje* 'это (вин. пад.)' — *teje* 'моя вошь'; *bär* 'ударь!' — *ber* 'поздно'; *bäre* 'ударяет' — *bere* 'затем, потом, после'; лельв. *märkâ* 'марка' — *merkâ* 'мерка'.

О том, что в сознании носителей учинского и лельвижского говоров *ä* является самостоятельной фонологической единицей, говорит и тот факт, что они могут звук *ä* вычленивать из речевого потока и тянуть во времени.

В центральных говорах *ä* еще не получил функцию самостоятельной фонемы, чем и объясняется факультативность его употребления в одних и тех же словах разными лицами.

2.3. Хотя многими лингвистами фонема *ä* восстанавливается в финно-угорском языке-основе, ее нельзя считать финно-угорским наследием в кукморском диалекте, ибо она отсутствовала уже в общепермском вокализме³¹, так же как и в современном коми языке и в абсолютном большинстве удмуртских диалектов. В каких удмуртских диалектах имеется фонема *ä*, трудно судить из-за недостаточной изученности удмуртских диалектов³², а по старым записям Мункачи, Вихмана и других почти невозможно получить верное представление о составе гласных фонем того или иного диалекта. Утверждение Балашша о том, что различие *ä* и *e* характерно для всех диалектов удмуртского языка³³, следует отнести скорее к различению более открытого (в ауслауте) и более закрытого (в остальных положениях) вариантов фонемы *e*, что действительно имеет место во всех удмуртских диалектах. Еще до появления работы Балашша Аминоффым было высказано предложение обозначать в транскрипции открытый вариант *e* знаком *ë* (Вихман использовал впоследствии знак *ε*), дабы не смешивать его с гласным нижнего подъема переднего ряда, похожим на финский гласный *ä*.³⁴

Аминофф не нашел фонемы *ä* в центральных говорах кукморского диалекта, а Мункачи уже в конце прошлого века зафиксировал *ä* в татарских заимствованиях учинского говора: *ëräkät* 'покой; удовольствие, наслаждение', *ëräkim* 'милосердие', *ëräkmat* 'спасибо; благодарность', *ëräd* 'ряд, порядок', *uzängi* 'стремя'³⁵, которые в оригинале имеют гласный *ä*; в то же время этим же знаком Мункачи обозначает и гласный *e*: *ägäs* 'обруч', *äkt-* 'плясать', каз. *täkê-*, сар. *tätäi-* 'при-

³¹ E. Itkonen, Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und in den permischen Sprachen. — FUF XXXI 1953—1954; В. И. Лыткин, Исторический вокализм пермских языков.

³² Известно, что она имеется в некоторых говорах бавлинского диалекта (И. В. Тараканов, Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка, стр. 79—80).

³³ J. Balassa, A votják nyelv néhány hangjáról. — KSz XVI 1915—16, стр. 102.

³⁴ T. G. Aminoff, Votjakin äänne- ja muoto-opin luonnos. — JSFOu XIV, 2 1896, стр. 7.

³⁵ В. Munkácsi, A votják nyelv szótára, Budapest 1896, стр. 36—37, 95.

нуть, вскочить', *täj* 'вошь', *täl* 'лес', сар. *tärki*, каз. *tärka* 'чаша, тарелка'.³⁶

По нашему мнению, *ä* развилась в кукморском диалекте, как и в бавлинском, сравнительно недавно и под непосредственным влиянием татарского языка; об этом говорит множество лексем с фонемой *ä*, заимствованных из татарского языка: учин., лельв. *äjbät* 'хороший' < татар. *äjbät*³⁷, учин. *sägät* 'часы' < татар. *səgät* и др. И противопоставление *a—ä* в словах *zar—zär* и *ä—e* в словах *bär—ber* стало возможным лишь в результате заимствования соответствующих татарских слов с гласным *ä*. Наши наблюдения показывают, что в большинстве удмуртских слов и русских заимствований фонема *ä* появилась на месте *a* под влиянием соседних палатальных согласных, *j*, а иногда и *r*: учин. *täre* ~ юмьин. *tare*, *tabäre* 'теперь', учин. *ihmär* 'бог', учин., лельв. *ñän* 'хлеб', учин. *äsme* ~ юмьин. *asme* 'наш', учин. *väjim* ~ юмьин. *vajim* 'мы принесли, привезли', лельв. *čäj*, учин. *čaj*, *säj* ~ юмьин. *čaj* 'чай', лельв. *märkə* ~ юмьин. *markə* 'марка'.

С точки зрения системы, возникновение фонемы *ä* в лельвижском и учинском говорах кукморского диалекта представляет собой заполнение пустой клетки, что могло произойти следующим образом.

Вся система вокализма диалекта (до появления *ä*) строилась на противопоставлении трех ступеней подъема, причем каждая ступень подъема имела следующие оппозиции:

I — высокий подъем: огубленные противопоставлены друг другу по ряду, а оба вместе — неогубленному переднего ряда;

II — средний подъем: огубленные противопоставлены между собой по ряду, оба вместе — неогубленному переднего и неогубленному заднего ряда;

III — нижний подъем представлен одним единственным гласным. Вышесказанное можно изобразить схематически:

<i>i</i>	<i>u</i>	<i>ü</i>
<i>e</i>	<i>ö</i>	<i>ə o</i>
		<i>a</i>

Как единственная фонема нижнего подъема, *a* имела чрезвычайно обширную область варьирования, т. е. могла иметь как заднерядные, так и более переднерядные, как неогубленные, так и огубленные варианты (что действительно отмечено нами в некоторых говорах), оставаясь при этом всегда самой собой — гласной самого низкого подъема.

Но впоследствии в тех говорах, которые испытали особенно сильное влияние татарского языка, и под влиянием последнего передний вариант фонемы *a* получает смыслоразличительную функцию, т. е. обособляется в самостоятельную фонему. Новая фонема, возникшая под влиянием другого языка, вовсе не чужда вокализму кукморского диалекта: она сразу же включилась в систему корреляции по ряду, которая уже существовала у огубленных гласных верхнего и среднего подъема:

<i>u</i>	<i>ü</i>
<i>ö</i>	<i>o</i>
[<i>ä</i>]	<i>a</i>

Теоретически мы вправе ожидать возникновения фонемы *ä* во всех диалектах юго-западного наречия, имеющих почти сходную с кукмор-

³⁶ В. Мункácsi, указ. раб., стр. 30, 346—349.

³⁷ Татарское орфографическое *ə = ä*.

ским диалектом систему вокализма и контактирующих в той или иной степени с тюркскими языками.

3.0. Свообразие фонетической системы кукморского диалекта удмуртского языка состоит не только в ее архаичности, т. е. в сохранении, в частности, древней финно-угорской фонемы η , утраченной во многих удмуртских диалектах, но и в возникновении новой фонемы $\ddot{a}$, которая хотя и существовала в финно-угорском языке-основе, но впоследствии в общепермский период была утрачена.

Среди различных факторов, как внутренних, так и внешних, способствовавших в той или иной степени сохранению η и возникновению $\ddot{a}$, немаловажную роль сыграл татарский язык, в тесном контакте с которым развивался кукморский диалект.

V. K. KELMAKOV (Moskau)

ÜBER EINIGE SPEZIFISCHE PHONEME DER KUKMORISCHEN MUNDART DER UDMURTISCHEN SPRACHE

Im Artikel wird sowohl der Gebrauch und die Geschichte zweier spezifischer Phoneme — $\ddot{a}$ und η — in verschiedenen Subdialekten des kukmorischen Dialektes als auch die Distribution dieser Phoneme im Worte untersucht.

Der Autor unternimmt den Versuch, den Grund des allmählichen Verschwindens des urfinnisch-ugrischen Phonems η in den permischen Sprachen und das Vorhandensein desselben im kukmorischen Dialekt zu klären.

Er ist auch bemüht, die äußeren und inneren Faktoren festzustellen, die zur Entstehung des neuen Phonems $\ddot{a}$ in einigen Subdialekten der kukmorischen Mundart führten.